

ГРАМОТЕЙ
ЦИКЛ ИЗ ПЯТИ КНИГ · КНИГА ТРЕТЬЯ

ЧИСЛО

Он считает не убийства. Он считает долги.

РОМАН

АЛЕКСАНДР ЖАРКОВ

МОСКВА · 2026

Александр Жарков

Число

«Автор»

2026

Жарков А. В.

Число / А. В. Жарков — «Автор», 2026

Урал. Владимир. Суздаль. Москва. Хранитель Бабурин умирает в больнице, успев передать Вешнякову опись из сорока трёх имён и письмо Ирмы. Третий ключ — каменная матрица; шифр — гематрия, где имя становится числом, а число — клеткой. Вешняков впервые понимает, что убийца считает не жертвы, а долги. Сорок три имени уже вписаны. Сорок четвёртое — пустое. Чтобы взять матрицу, Вешняков подписывает пакт с убийцей. Третий роман цикла «Грамотей».

© Жарков А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Счёт	5
1. Снег на перроне	9
2. Мастерская	14
3. Двадцать шесть часов	17
4. Книга чисел	21
5. Штерн	25
6. Воск	28
7. Сорок три	31
8. Владимир	34
9. Третий камень	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Жарков

Число

«У всякого молчания есть номер. У всякого номера есть имя».
Из «Книги чисел», список XVI века, собрание Братства ключа

Пролог. Счёт

Владимир, апрель 1566 года.

Гриша вернулся в галерею ночью.

Он не знал, зачем идёт. Днём он бежал отсюда, не оглядываясь, через южную дверь, мимо слепого, который всё ещё пел; бежал по мокрой траве, пока не упал в овраге за стеной. Потом лежал в траве и слушал, как колотится сердце. Оно колотилось так, будто хотело выскочить и убежать отдельно.

Весь день он прятался в слободе, у бондаря, который был должен его отцу. Бондарь дал ему хлеба и не спросил, почему у мальчика руки в крови. К вечеру Гриша вымыл руки в бочке, вытер их о рубаху и пошёл обратно.

Он не мог оставить Фому одного.

В галерее было темно. Лампада у образа погасла; свечи никто не зажёл. Пахло пылью, холодным камнем и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым. Гриша остановился у порога и прислушался.

Ничего. Только ветер ходил под сводами, как старик, который ищет потерянную вещь.

Он сделал шаг. Потом ещё один.

Пол был вымыт. Это было первое, что он заметил: там, где днём лежал Кузьма, пол блестел, и в блеске отражалась луна. Крови не было. Тела тоже. Стрельцы унесли Кузьму, а Фому — Фому, наверное, тоже. Гриша стоял и смотрел на пустое место, и ему вдруг стало обидно до слёз: они унесли даже кровь.

Потом он увидел половицу.

Она была приподнята на палец. Тонкая щель чернела между досками, и в этой щели блестела вода — или это был лунный свет. Гриша подошёл и опустился на колени. Он знал эту половицу. Утром Фома наступил на неё, и она поднялась, как крышка.

Он потянул за край. Половица поддалась тяжело, будто её держали снизу. В яме лежала плита.

Она была серой, тяжёлой, с рядами круглых отверстий. Двенадцать рядов по двенадцать. Гриша посчитал их дважды — первый раз шёпотом, второй раз про себя — и оба раза получил одно и то же число. Сто сорок четыре.

Он знал это число. Фома говорил его, когда вырезал отверстия: «Сто сорок четыре, Гриша. Как часа в сутках, только в шесть раз больше». Тогда Гриша не понял. Сейчас тоже не понял, но число ему понравилось. Оно было круглым и полным, как яйцо.

Плита лежала лицом вверх. Одно отверстие в углу треснуло; от него шла тонкая линия, похожая на трещину во льду. Гриша протянул руку и коснулся её. Камень был холодный.

— Не трогай.

Голос раздался за спиной так близко, что Гриша вскрикнул. Он обернулся, упал на локти и пополз назад, пока не упёрся спиной в стену.

В дверях стоял человек в чёрной рясе. В руке у него была свеча; пламя стояло прямо, не колеблясь. Лицо у человека было худое, длинное, с глубокими глазницами; в бороде белела седина. Гриша видел его раньше — в соборе, у алтаря, — но не знал имени.

— Тише, — сказал человек. — Я не за тобой.

Он подошёл к яме и посмотрел вниз. Свеча осветила плиту, и отверстия стали похожи на маленькие окна.

— Фома успел, — сказал человек. — Слава Богу.

— Он умер, — сказал Гриша. Голос у него сорвался. — Они его убили.

— Знаю. — Человек перекрестился. — И Кузьму убили. И ещё двоих, которых ты не видел.

Он поставил свечу на пол и опустился на колени рядом с ямой. Его ряса была старой, зашитой в двух местах грубой ниткой. На руках — мозоли, как у кузнеца.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Гриша. Сын пономаря.

— Гриша. — Человек посмотрел на него. — Ты видел, как Фома опустил плиту?

— Видел.

— И запомнил, куда?

— В яму.

— А ещё что?

Гриша помолчал. Потом сказал:

— Третий камень справа.

Человек закрыл глаза. На его лице появилось что-то похожее на улыбку — очень усталую, как будто он нёс тяжёлый мешок и наконец поставил его на землю.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо, мальчик.

Он встал, подошёл к стене и начал считать камни. Гриша смотрел, как его палец скользит по кладке: первый, второй, третий. Третий камень справа от того места, где стояла плита, был меньше остальных и выступал из стены чуть сильнее. Человек надавил на него ладонью. Камень качнулся.

— Помоги, — сказал он.

Гриша подошёл. Вместе они вытащили камень. За ним открылась ниша — узкая, глубиной в две ладони. В нише лежал свёрток из холста.

Человек достал его и развернул на полу.

В холсте была ещё одна плита. Маленькая, размером с книгу, но такая же серая и тяжёлая. На ней тоже были отверстия — двенадцать рядов по двенадцать, — но не круглые, а квадратные, и каждое было глубиной в ноготь. По краю шла резьба: три зубца, средний длиннее.

— Это матрица, — сказал человек. — Замок.

— А та? — Гриша кивнул на яму. — Большая?

— Та — дверь. Она показывает, куда идти. А эта — ключ. Она открывает.

Гриша не понял, но кивнул. Взрослые всегда говорили загадками, когда боялись сказать прямо.

Человек завернул матрицу обратно в холст и положил в нишу. Потом достал из-за пазухи восковую табличку — тёмную, с сорока четырьмя углублениями по краю. В центре таблички был вырезан крест.

— Смотри, — сказал он. — Здесь сорок четыре имени. Каждое — молчание. Когда все сорок четыре будут записаны, замок откроется.

— Кто их записывает?

— Тот, кто считает. — Человек посмотрел на него. — Штерн.

— Штерн? — Гриша нахмурился. — Это немец?

— Немец. Он приехал в Москву при государе, делал часы и учил монахов считать. Он говорил, что Бог создал числа раньше слов. Может, и врал. Но считал он хорошо.

— А сейчас он где?

— Умер. — Человек помолчал. — Теперь Штерн — не фамилия. Штерн — должность. Тот, кто держит счёт.

Он протянул табличку Грише.

— Вот. Твоё первое имя.

Гриша взял табличку. Она была тяжёлая, как маленький камень. В углублениях блестел воск; некоторые были заполнены, некоторые пусты. В первом углублении, у самого края, виднелась свежая царапина.

— Фома Кривой, — сказал человек. — Пиши.

— Я не умею.

— Умеешь. Ты читаешь быстрее Фомы. Я видел, как ты читал псалтырь.

Гриша покраснел. Он действительно читал псалтырь, когда никто не видел, — водя пальцем по строкам и шевеля губами. Он думал, что это его тайна.

Человек достал из рукава нож — короткий, с широкой рукоятью, — и положил рядом.

— Пиши, — повторил он. — Не бойся. Это не кровь. Это воск.

Гриша взял нож. Рука дрожала. Он посмотрел на первое углубление, потом на человека, потом снова на углубление. И начал писать.

Буквы получались кривыми. «Ф» вышла похожей на треугольник, «о» — на дырку, «м» — на три палки. Но он писал медленно и старательно, как учил отец: «Не спеши. Буква любит терпение».

Когда он закончил, человек взял табличку и поднёс к свече.

— Фома Кривой, — прочитал он. — Хорошо.

— А кто будет вторым?

— Второй придёт сам. — Человек спрятал табличку за пазуху. — И третий, и четвёртый. Их не ищут. Они приходят.

Он поднял свечу и посмотрел на плиту в яме. Потом на стену, где теперь зияла пустая ниша.

— Мы заложим её, — сказал он. — И забудем.

— Забудем? — Гриша посмотрел на него. — Как можно забыть?

— Не забыть. — Человек покачал головой. — Спрятать так, чтобы искать перестали. Это разные вещи.

Он взял камень, вставил его обратно в стену и пристукнул ладонью. Камень встал плотно, будто никогда не выходил. Потом он опустил половицу над плитой и прибил её гвоздём — коротко, двумя ударами.

— А теперь иди, — сказал он. — И не говори никому.

— А вы?

— Я останусь. — Человек сел на пол у стены. — Надо посчитать.

Гриша пошёл к двери. У порога он обернулся.

— Как вас зовут? — спросил он. — Чтобы я знал, за кого молиться.

Человек посмотрел на него. В темноте его лицо было похоже на икону, у которой стёрли краски.

— Серапион, — сказал он. — Монах Серапион. Но ты молись не за меня. Молись за тех, кто будет после.

— За кого?

— За тех, кто будет считать.

Гриша вышел на улицу. Шёл снег — мокрый, тяжёлый, не по-апрельски. Город спал; только в окнах собора горел тусклый свет. Мальчик постоял на крыльце, посмотрел на небо и вдруг понял, что больше не боится.

Он не знал почему. Может быть, потому, что у него теперь было дело.

Он сунул руки в рукава и пошёл домой — считать.

Сорок три имени остались.

Он не знал, что последним будет имя девочки, которая ещё не родилась.

1. Снег на перроне

Екатеринбург, 29 апреля 2026 года.

Поезд пришёл в половине шестого утра. За окном было темно и бело: снег лежал на перроне, на крышах вагонов, на плечах людей, которые вышли курить. Он падал медленно, крупными хлопьями, и в свете фонарей был похож на белые листья.

Вешняков стоял в тамбуре с рюкзаком на плече и смотрел, как проводница открывает дверь. За его спиной Анна застёгивала куртку. Она не спала ночь; под глазами у неё были тёмные круги, и она казалась старше своих тридцати восьми.

— Готов? — спросила она.

— Нет.

— Хороший ответ.

Они вышли на перрон. Морозный воздух ударил в лицо, и Вешняков на секунду задохнулся. В Москве было плюс десять, здесь — минус четыре. Снег скрипел под ногами.

— Двадцать шесть часов, — сказала Анна. — А такое чувство, что мы ехали неделю.

— Двадцать пять.

— Не начинай.

Они пошли к вокзалу. Здание было старым, с лепниной и высокими окнами; в окнах горел жёлтый свет. У входа стояли таксисты, предлагали машины; один из них сказал: «Девушка, до центра — триста». Анна не ответила.

Они взяли такси до музея. Машина ехала по пустым улицам; город просыпался медленно. За окном проплывали серые дома, вывески, закрытые магазины. На перекрёстке стояла женщина с собакой; собака дрожала и поджимала лапы.

— Он был здесь, — сказала Анна. — Белояр.

— Был.

— И ушёл.

— Не ушёл. — Вешняков посмотрел на телефон. — Он ждёт.

Музей истории и археологии открывался в десять. Они приехали в семь; до открытия оставалось три часа. В соседнем кафе пахло кофе и мокрой одеждой. Они сели у окна. Анна заказала чай и не стала пить. Вешняков достал тетрадь Бабурина и положил на стол.

— Ты думаешь, Максим здесь? — спросила Анна.

— Я думаю, здесь его мастерская.

— Это не одно и то же.

— Нет. — Он открыл тетрадь. — Но это ближе, чем мы были вчера.

Анна посмотрела в окно. Снег шёл сильнее; люди шли, согнувшись, под зонтами, и зонты были похожи на чёрные грибы.

— Я не знаю, что ему скажу, — тихо произнесла она. — Если увижу.

— Ничего не говори. Просто будь там.

— Я уже слышала это.

— Значит, это правильный совет.

Она слабо улыбнулась. Впервые за двое суток.

Вешняков раскрыл свёрток на столе. Не весь — только верхний слой: опись, сложенную вчетверо, и восковую табличку. Письмо Ирмы он не достал. Оно лежало в конверте, и он знал, что не сможет читать его при Анне.

— Это то, что дал Бабурин? — спросила она.

— Да.

— Что здесь?

— Сорок три имени. — Он провёл пальцем по списку. — И пустая строка.

Анна наклонилась. В списке были мужские и женские имена, написанные на машинке, с номерами напротив. Некоторые подчёркнуты карандашом. Возле трёх стояли кресты.

— Что за кресты?

— Не знаю. — Вешняков перевернул лист. — Может, умерли. Может, замолчали.

— Это одно и то же?

— Нет. — Он посмотрел на неё. — Молчание можно купить. Смерть — нет.

Анна откинулась на спинку стула.

— Ты понимаешь, что мы делаем?

— Ищем человека, который убил твою коллегу.

— Нет. — Она покачала головой. — Мы едем в другой город, потому что убийца оставил стихотворение. Это не следствие. Это чтение.

— А что следствие?

— Следствие — это когда есть труп, оружие и мотив. — Она кивнула на опись. — А у нас есть список и поэзия.

Вешняков не ответил. Он смотрел на восковую табличку. На ней было сорок четыре углубления; первые три уже заполнены. В первом стояла буква «Ф», во втором — «М», в третьем — «А». Буквы были процарапаны ножом, глубоко, с нажимом.

— Это имена? — спросила Анна.

— Или номера.

— Чьи?

— Пока не знаю.

Он убрал табличку в карман.

— Кто такой Штерн? — спросила Анна.

— Счётчик. — Вешняков достал из свёртка вторую страницу. — Здесь написано: «Штерн — не фамилия. Должность».

— Как «грамотей»?

— Похоже.

— Значит, их двое?

— Их больше. — Он разложил лист. — Есть ключники. Те, кто хранит. Есть счётчик. Тот, кто считает. И есть исполнитель.

— Который убивает.

— Который закрывает счёт.

Анна поморщилась.

— Ты говоришь его словами.

— Я говорю словами документа.

— Это не лучше.

В кафе вошла девушка в фартуке, с подносом; она поставила перед ними чай и посмотрела на фотографию, лежавшую на столе. Это была фотография Белояра из дела — та, где он стоял на крыльце с палкой.

— Извините, — сказала девушка. — Это вы его ищете?

Анна подняла голову.

— Вы его знаете?

— Видела. — Девушка помолчала. — Вчера. Он сидел вон там, у окна. Заказал чай и не пил.

— Что он делал?

— Считал. — Она показала на столик. — Ложки. Салфетки. Людей. Я подумала, что он странный. Но он не мешал.

— Сколько он сидел?

— Час. Может, больше. — Девушка посмотрела на фотографию. — Он оставил деньги на столе и ушёл. Ровно столько, сколько стоило.

— Спасибо, — сказала Анна.

Девушка ушла. Вешняков посмотрел на столик у окна. Он был пуст.

— Он был здесь, — сказал он.

— Он везде, — сказала Анна. — В этом и проблема.

— Ты была здесь раньше? — спросил он.

— Нет.

— А она?

Вешняков помолчал.

— Ирма приезжала сюда в двадцать втором. За месяц до смерти. Она не сказала мне.

— Почему?

— Потому что я бы поехал с ней.

Анна посмотрела на него.

— И что бы ты сделал?

— Не знаю. — Он сжал чашку. — Может, был бы жив.

— А она?

— Она была бы жива.

Анна не ответила.

* * *

В десять они вошли в музей.

Зал был небольшой, с низким потолком и тёмными стенами. В центре, под стеклом, стоял идол. Вешняков видел его фотографии, но фотографии не передавали главного: он был огромный. Больше человека. Тёмное, почти чёрное дерево, вырезанное в виде фигуры с лицом-маской; на теле — ряды насечек, как счёт; голова увенчана чем-то вроде короны, в которой тоже были вырезаны лица.

— Двенадцать тысяч лет, — сказал хранитель. Он стоял рядом, молодой человек в очках, с усталым лицом. — Мы думаем, что это изображение духа.

— Это изображение счёта, — сказал Вешняков.

Хранитель посмотрел на него.

— Что?

— Ничего. — Вешняков улыбнулся. — Я старый человек. Я говорю странные вещи.

Он достал из кармана перо Ирмы и повертел его в пальцах. Потом спросил:

— К вам приходил человек с палкой? Вчера утром?

Хранитель помолчал.

— Приходил, — сказал он. — В девять. Ждал до половины одиннадцатого.

— Что он хотел?

— Хранителя. Меня. Сказал, что хочет оставить стихотворение.

— Показать?

Хранитель подошёл к столу, открыл ящик и достал пластиковый файл. Внутри лежал лист бумаги.

— Вот.

Вешняков взял файл. Лист был сложен вчетверо. Он развернул его.

Стихотворение было написано тем же почерком, что и письма: мелким, уставным, с нажимом.

Здесь дерево помнит больше, чем камень.

В его трещинах спят имена тех, кто считал.

Если ты досчитаешь до конца — не оборачивайся.

Рядом стоит тот, кто ждал тебя дольше, чем ты себя.
Я вырезал его лицо, чтобы ты узнал моё.

Ъ

— Он просил передать это кому-нибудь? — спросил Вешняков.

— Нет. Сказал, что лист должен остаться здесь. — Хранитель помолчал. — Я прочитал.

Первые буквы...

— «Зверя», — сказал Вешняков.

— Да. — Хранитель посмотрел на него с удивлением. — Вы тоже?

— Я читаю такие вещи.

Он посмотрел на первые буквы строк: З, В, Е, Р, Я. Пять букв. Слово «ЗВЕРЯ» — в родительном падеже. Как будто продолжение фразы, которую кто-то начал раньше.

— Он оставил что-нибудь? — спросил Вешняков.

Хранитель помолчал. Потом открыл ящик стола и достал маленькую деревянную фигурку. Петух. Грубый, некрашенный, с гребешком и круглым глазом. На груди — сорок четыре насечки.

— Вот. — Он поставил фигурку на стекло. — Сказал, что это для музея.

Вешняков взял петуха. Дерево было тёплым, будто его долго держали в руке.

— Он сам вырезал?

— Сказал, что сам.

— Когда?

— Вчера. Ночью. — Хранитель посмотрел на фигурку. — У него был нож. И руки в стружке.

Вешняков посчитал насечки. Сорок четыре. Столько же, сколько углублений на табличке. Столько же, сколько строк в описи.

— К вам приходила женщина? — спросил он. — Седая. В сером пальто.

Хранитель нахмурился.

— Приходила. Неделю назад. Спрашивала про отчёт тысяча восемьсот девяностого года. И про реставрацию тысяча девятьсот четырнадцатого.

— Что вы ей сказали?

— Что отчёт в архиве. — Он пожал плечами. — Она посмотрела журнал посещений и ушла.

— Под каким именем?

Хранитель открыл журнал. На последней странице, ровным почерком, было написано: «Корн Л. А. Музей истории религии».

Вешняков посмотрел на подпись. Буквы были круглые, аккуратные, как в прописи.

— А что он ещё говорил? — спросил Вешняков.

— Спрашивал про нижнюю часть.

— Какую нижнюю часть?

— Идола. — Хранитель показал на подножие. — Мы нашли его в 1890-м, в торфянике под Кировградом. Верхняя часть сохранилась, нижняя — нет. В 1914-м её пытались восстановить, но неудачно. В 2003-м делали копию для выставки.

— Кто делал?

— Частная мастерская. — Хранитель пожал плечами. — В Екатеринбурге. «Аркада». На Малышева.

Вешняков почувствовал, как у него холодеет затылок.

— Адрес?

— Малышева, сорок два. Подвал. — Хранитель помолчал. — Но мастерская закрыта. Я слышал, хозяин уехал.

— Кто хозяин?

— Величко. Максим Андреевич.

Анна стояла у стекла и смотрела на идола. Она не обернулась, но её руки сжались в кулаки.

— А где сам Величко? — спросил Вешняков.

— Уехал. — Хранитель помолчал. — В прошлую пятницу. Не попрощался.

— Он вам что-нибудь говорил?

— Сказал, что за ним придут. — Хранитель посмотрел на него. — Я подумал, что он шутит. А он не шутил.

— Спасибо, — сказал Вешняков.

Они вышли на улицу. Снег уже не шёл; небо было серым, низким, и в нём не было ни одного просвета.

— Малышева, сорок два, — сказала Анна. — Это в двух кварталах.

— Я знаю.

— Тогда пойдём.

Они прошли квартал. У перекрёстка стояла чёрная машина с тонированными стёклами. Когда они поравнялись с ней, двигатель завёлся. Машина медленно поехала за ними, держась в десяти метрах.

Анна заметила её первой.

— Не оборачивайся, — сказала она. — Сзади.

— Вижу.

— Кто это?

— Пока не знаю.

Они ускорили шаг. Машина тоже ускорилась. У следующего перекрёстка она свернула в переулок и исчезла.

— Номер не читается, — сказала Анна. — Заклеен.

— У них есть деньги.

— У них есть всё. — Она посмотрела вслед машине. — Это не полиция.

— Почему?

— Полиция бы не пряталась. — Анна достала телефон. — Я записала. Проверю через Гурова.

— Проверка, — сказала она через минуту. — Они хотят знать, куда мы идём.

— Значит, они уже знают.

Вешняков посмотрел на телефон. На экране было сообщение от Гурова:

«Бабурин пришёл в себя. Требуется тебя. Стеблов уже в больнице. Поторопись».

Он убрал телефон.

— Что? — спросила Анна.

— Нам надо вернуться в Москву. Сегодня.

— А мастерская?

— Сначала мастерская. — Он посмотрел на неё. — Потом Москва.

Они пошли дальше. Впереди, в конце улицы, висела вывеска: «Аркада. Реставрация дерева».

2. Мастерская

Дверь в подвал была приоткрыта.

Вешняков остановился на верхней ступеньке и прислушался. Внутри было тихо. Только капала вода — ровно, как метроном.

— Замок сломан, — сказала Анна. Она присела и посмотрела на дверь. — Свежий скол. Кто-то вошёл раньше нас.

Вешняков достал фонарик. Они спустились.

Мастерская была большой — три комнаты, соединённые широкими проёмами. В первой стояли верстаки, шкафы с инструментами, банки с лаком. На полу лежал слой каменной пыли; в пыли были видны следы. Много следов.

— Здесь работали, — сказал Вешняков.

— Или убирали. — Анна провела пальцем по верстаку. — Пыль свежая. Они ушли недавно.

Во второй комнате стояла плита. Не настоящая — гипсовая копия, покрытая серой краской. Двенадцать рядов по двенадцать отверстий. На краю — тамга: три зубца, средний длиннее.

Вешняков подошёл и коснулся отверстия. Оно было пустым. Потом — второго. Третьего. В первых трёх лежал воск.

— Смотри, — сказал он.

Анна подошла. В первом углублении, у самого края, воск был тёмный, с царапиной. Во втором — светлее. В третьем — почти белый.

— Свежий?

— Не очень. — Он провёл пальцем. — Но его недавно трогали.

Он достал лупу. В воске были видны буквы: «Ф», «М», «А».

— Те же, — сказала Анна.

— Те же.

— Что это значит?

— Что он тренировался. — Вешняков выпрямился. — Или что кто-то учил его считать.

— Плита — копия, — сказал он. — А воск настоящий.

— Для чего?

— Для того, чтобы вырезать настоящую.

Он посмотрел на стену. На ней висели рисунки: идол, плита, лицо человека с палкой. И ещё один рисунок — женщина с закрытыми глазами и залитым воском ртом. Под ним была подпись: «Аглая. 2015».

Анна отвернулась.

— Он знал её.

— Знал.

— И не сказал нам.

— Он не мог. — Вешняков посмотрел на рисунок. — Он был здесь не по своей воле.

В третьей комнате была мастерская Максима. Верстак, стул, лампа. На столе — чашка с засохшим чаем, кисть, тряпка. На стене — фотография: Анна и Максим, молодые, смеются на фоне Невы. Анне было лет двадцать; она держала в руках мороженое, а Максим показывал язык.

Анна взяла фотографию. Её руки дрожали.

— Это я, — сказала она. — Это было в две тысячи тринадцатом.

— Вы тогда были вместе?

— Были. — Она смотрела на снимок. — Он говорил, что я слишком громкая. Я говорила, что он слишком тихий. Мы оба были правы.

— Почему разошлись?

— Потому что тишина — это тоже выбор. — Она положила фотографию. — Он выбирал её каждый день. А я не могла.

Вешняков не стал ничего говорить. Он смотрел на пол. В пыли был след — узкий, аккуратный, как от женской туфли.

— Здесь была женщина, — сказал он. — В сером пальто.

— Штерн?

— Возможно.

Он открыл ящик стола. Внутри лежали блокнот, карандаши, пачка сигарет. Он взял блокнот.

На первой странице была сетка 12×12. В ней стояли цифры. Не все клетки были заполнены; некоторые перечёркнуты. В правом нижнем углу — 44-я клетка — была обведена кружком. Внутри кружка было написано одно слово:

«АГЛАЯ».

Вешняков закрыл блокнот. В ушах у него шумело.

Потом он снова открыл ящик. Под блокнотом лежала жестяная коробка из-под чая. Внутри — бумажная лента, сложенная в несколько раз.

Он развернул. На ленте был нарисован ряд цифр: 44, 43, 42, 41, 40. Потом — многоточие. Последняя цифра была обведена.

— Обратный счёт, — сказал он.

— От чего?

— От Ирмы.

Анна посмотрела на ленту.

— Он знал, кто будет следующей.

— Откуда?

— Ему сказали. — Вешняков положил блокнот в карман. — Или он слышал.

Они вышли на улицу. У входа стояла старуха в пуховом платке, с авоськой. Она смотрела на них с любопытством.

— Вы к Максиму? — спросила она.

— Вы его знаете? — сказала Анна.

— Конечно. Он мне розетку чинил. Хороший мальчик. — Старуха поджала губы. — Только его увезли.

— Кто?

— Женщина. В сером пальто. — Старуха посмотрела на дверь. — И двое мужчин. Они всё вынесли. А он плакал.

— Он говорил что-нибудь? — спросила Анна.

— Говорил. — Старуха помолчала. — Я слышала через дверь. Он сказал: «Скажите Анне, что я не виноват».

Анна закрыла глаза.

— А женщина?

— Она ему сказала: «Ты не виноват. Ты просто нужен». — Старуха поджала губы. — Я запомнила. Станные слова.

Вешняков посмотрел на Анну. Она стояла очень прямо, будто боялась, что если согнётся, то упадёт.

— Спасибо, — сказал он. — Вы нам очень помогли.

— Не за что. — Старуха посмотрела на дверь. — Только вы его найдите. Он хороший мальчик.

Анна побледнела.

— Когда это было?

— Неделю назад. Может, больше. — Старуха помолчала. — Он мне письмо оставил. Сказал: «Если придёт женщина с такими глазами, как у меня, отдайте».

Она достала из авоськи сложенный лист.

Анна взяла его. Развернула.

«Анна.

Если ты это читаешь, значит, я ещё жив. Я не могу уйти. Они держат меня здесь, потому что я умею резать дерево. Я не знаю, где нахожусь. Каждый день приходит женщина и приносит еду. Она говорит, что ты меня ищешь.

Не ищи.

Я считаю дни. Их осталось немного.

Если увидишь маму — скажи, что я помню.

М.»

Анна стояла и смотрела на лист. Снег падал ей на волосы и таял. Она не вытирала.

— Он жив, — сказала она. — Он жив.

— Да.

— Мы должны его найти.

— Найдём.

Она подняла голову. В её глазах были слёзы, но голос был ровный.

— Где он?

— Здесь больше нет. — Вешняков показал на следы. — Его увезли. Но я знаю, куда.

Он достал из кармана билет, который нашёл в мастерской. Владимир. Двадцать шестое апреля. И чек из гостиницы в Суздале.

— Они поехали туда, — сказал он. — За плитой.

Анна вытерла лицо.

— Тогда поехали и мы.

Телефон Вешнякова зазвонил. Гуров.

— Даниил. — Голос был напряжённый. — Бабурин очнулся. Он говорит только одно слово.

— Какое?

— «Штерн».

Вешняков посмотрел на Анну.

— Мы едем.

3. Двадцать шесть часов

Обратный самолёт вылетал в четырнадцать сорок.

Они успели в аэропорт за сорок минут. Анна молчала всю дорогу; она держала письмо Максима в руке и иногда смотрела на него, будто проверяла, не исчезло ли оно. Вешняков сидел рядом и читал блокнот.

Записи были странными. На первых страницах — даты и числа: «14.11.2022 — 44», «03.10.2022 — 43», «2015 — 1». Дальше — имена, наполовину стёртые. Некоторые были перечёркнуты. В конце — список из двенадцати имён, обведённый рамкой.

Вешняков узнал три имени сразу: Вяземский, Ланге, Бабурин. Остальные были ему неизвестны.

Он перевернул страницу. Дальше шли записи, сделанные другим почерком — торопливым, с наклоном влево. Женским.

«44 — Ирма. 43 — Вера. 42 — Ефимов. 41 — Аглая. 40 — Бабурин. 39 — Смирнов».

Он остановился.

— Что? — спросила Анна.

— Он считал не только мёртвых.

— А кого?

— Тех, кто ещё жив. — Вешняков показал ей страницу. — Смотри. Смирнов — тридцать девятый. Бабурин — сороковой.

— Но Бабурин уже умер.

— Да. — Он посмотрел на список. — Значит, счёт обновляется.

Анна нахмурилась.

— Кто его обновляет?

— Штерн.

— Счёт.

— Чей?

— Не знаю. — Он перевернул страницу. — Но он ведёт к плите.

В аэропорту он позвонил Гурову.

— Лёня.

— Наконец. — Гуров говорил тихо, будто стоял в библиотеке. — Бабурин плох. Он не говорит, он шепчет. Но он требует тебя.

— Я буду через два часа.

— Стеблов здесь.

— Знаю.

— Он хочет забрать дело.

— Пусть попробует.

Гуров помолчал.

— Даниил.

— Что?

— Тут была женщина. Она приходила к Бабурину перед тобой. Подписывалась «попечитель».

— Как она выглядела?

— Седая. В сером пальто. Спокойная, как врач. — Гуров шмыгнул носом. — Она сказала, что Бабурин умрёт сегодня ночью.

Вешняков посмотрел на Анну. Она смотрела в окно.

— Спасибо, Лёня.

Он положил трубку.

— Что? — спросила Анна.

— Ничего. — Он сжал телефон. — Просто мы опаздываем.

Анна достала свой телефон.

— Кому ты звонишь?

— Дежурному. — Она набрала номер. — Пусть пробьют Корн. Лидия Андреевна. Год рождения — примерно семидесятый.

— Почему семидесятый?

— Потому что ей на вид пятьдесят шесть. — Анна поднесла телефон к уху. — И ещё пусть проверят, не работает ли она в архиве Братства.

— Ты думаешь, она в штате?

— Я думаю, она и есть штат.

Она отошла к окну. Вешняков смотрел на её спину и думал о том, что она делает то, чего он не умеет: проверяет, а не верит.

— Ты была на похоронах, — сказал он.

Анна обернулась.

— Ирмы?

— Да.

— Была.

— Почему не подошла?

— Потому что ты стоял и считал. — Она посмотрела на него. — Я видела, как шевелятся твои губы. Ты считал людей, которые прощаются.

Вешняков молчал.

— Я не знала, что сказать, — добавила она. — Поэтому не сказала ничего.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не сказала.

* * *

В Москве шёл дождь. Они приехали в больницу в пять. У входа стояла машина с мигалкой; на крыльце курили двое в штатском.

— Стеблов, — сказала Анна.

— Да.

Они прошли мимо. Никто их не остановил.

В коридоре пахло хлоркой и варёной капустой. У палаты Бабурина сидел охранник. Гуров стоял рядом, с бумажным стаканом кофе.

— Он ждёт, — сказал Гуров. — Только он очень слаб.

— Кто ещё внутри?

— Никого.

Вешняков вошёл.

Палата была маленькой: кровать, тумбочка, стул, окно с жалюзи. Бабурин лежал на подушках. Он был похож на птицу, которую долго держали в клетке: маленький, сухой, с тонкими руками. Под носом — трубка; на шее — марля. Глаза были открыты.

— Игнат Порфирьевич, — сказал Вешняков.

Бабурин повернул голову. Узнал.

— Профессор. — Голос был шёпотом, хриплым, как ветер в трубе. — Садитесь.

Вешняков сел на стул. Анна осталась у двери.

— У нас мало времени, — сказал Бабурин. — Они придут.

— Кто?

— Штерн. — Бабурин закрыл глаза. — Она уже здесь.

— Женщина в сером?

— Да. — Он открыл глаза. — Она считает. Не люди. Места. Она пришла ко мне вчера и сказала: «Игнат Порфирьевич, вы прожили долгую жизнь. Пора». Я сказал: «У меня ещё есть дело». Она сказала: «Уже нет».

Вешняков достал диктофон.

— Можно?

— Не надо. — Бабурин покачал головой. — Это не для записи. Это для вас.

Он медленно повернул голову к тумбочке.

— В верхнем ящике. Пакет.

Вешняков открыл ящик. Внутри лежал свёрток из чёрной клеёнки, перевязанный суровой ниткой.

— Возьмите.

Вешняков взял. Свёрток был тяжёлый.

— Что здесь?

— Книга чисел. — Бабурин помолчал. — Опись тридцать седьмого года. И ещё... — Он сглотнул. — Письмо Ирмы.

У Вешнякова пересохло во рту.

— Ирмы?

— Она принесла мне его за три дня до смерти. — Бабурин смотрел на него. — Я не отдал. Я боялся. Простите.

Вешняков развязал нитку. Внутри были бумаги: пожелтевшие листы, напечатанные на машинке; фотография; конверт.

Он открыл конверт. Внутри — лист, сложенный втрое. Почерк Ирмы.

«Даниил.

Если я не вернусь — найди третью плиту. Она в Успенском соборе, в северной галерее. Третий камень справа.

Не верь никому. Даже тем, кто говорит, что помогает.

И прости меня.

И.»

Вешняков смотрел на буквы. Они были неровные, будто Ирма писала на весу. В правом нижнем углу — маленькое пятно, похожее на каплю кофе.

— Она знала, — сказал он.

— Знала, — сказал Бабурин. — Она пришла ко мне и сказала: «Игнат Порфирьевич, я нашла то, что они ищут». Я сказал: «Отдай им». Она сказала: «Нет. Это должно быть опубликовано». Я сказал: «Тогда тебя убьют». Она сказала: «Может быть».

Вешняков закрыл глаза.

— Кто её убил?

— Не знаю. — Бабурин покачал головой. — Я знаю только, что это были они. Братство. Они думали, что она взяла ключ.

— Какой ключ?

— Третий. — Бабурин посмотрел на свёрток. — Она взяла опись. Они приняли её за воровку.

— А Белояр?

Бабурин помолчал.

— Белояр был снаружи.

Вешняков открыл глаза.

— Откуда вы знаете?

— Мне сказали. — Бабурин сглотнул. — Не спрашивайте кто. Я и так сказал слишком много.

Он схватил Вешнякова за руку. Пальцы были холодные и сухие, как корни.

— Слушайте. Плита — не ключ. Ключ — под третьим камнем справа. Но сначала — Ирма. Вы должны узнать всё. Не от меня. От него.

— От Белояра?

— Да. — Бабури́н отпустил руку. — Он расскажет. Он не умеет врать. Это его проклятие. В коридоре слышались шаги. Анна обернулась.

Дверь открылась.

На пороге стояла женщина в сером пальто. Ей было лет пятьдесят шесть; волосы седые, стриженные коротко; лицо спокойное, без морщин, как у человека, который никогда не щурится. В руке она держала чёрную папку.

— Игнат Порфи́рьевич, — сказала она. — Вы не один.

Бабури́н закрыл глаза.

— Лидия Андреевна, — прошептал он. — Я же просил.

Женщина посмотрела на Вешнякова. Её глаза были светлые, почти бесцветные.

— Вы, должно быть, Дании́л Рома́нович. — Она чуть улыбнулась. — Я много о вас слышала.

4. Книга чисел

— Лидия Андреевна Корн, — сказала женщина. — Попечительский совет больницы. Она вошла в палату, не дожидаясь приглашения, и поставила папку на тумбочку. Движения у неё были точные, экономные, как у хирурга.

— Вы родственница? — спросил Вешняков.

— Нет. — Она посмотрела на Бабурина. — Мы работали вместе. Игнат Порфирьевич был архивистом, я — счётным работником.

— Счётным?

— Бухгалтерия. — Она улыбнулась. — Кто-то должен считать.

Бабурин лежал с закрытыми глазами. Его грудь поднималась тяжело, с усилием.

— Ему нужен покой, — сказала Корн. — Врач просил не утомлять.

— Мы почти закончили.

— Я вижу. — Она посмотрела на свёрток в руках Вешнякова. — Это документы больницы?

— Нет.

— Тогда я должна попросить вас оставить их до выяснения.

Вешняков не двинулся.

— Это личные бумаги.

— Всё, что находится в палате пациента, — не личное. — Она говорила мягко, без нажима. — Особенно если пациент недееспособен.

— Я дееспособен, — прошептал Бабурин.

Корн посмотрела на него. В её взгляде не было злости. Только усталость.

— Игнат Порфирьевич, вы себя переоцениваете.

Она повернулась к Вешнякову.

— Я не буду ничего отбирать. Пока. Но я прошу вас уйти. Через час ему станет хуже.

— Откуда вы знаете?

— Я работаю в этой больнице двадцать лет. — Она взяла папку. — Я знаю, как выглядят люди, которым осталось мало.

Она вышла. Дверь за ней закрылась без стука.

Анна подошла к кровати.

— Кто она?

— Штерн, — сказал Бабурин.

— Что?

— Не фамилия. Должность. — Он посмотрел на Вешнякова. — Она считает.

— Что считает?

— Всё. — Бабурин закрыл глаза. — Имена, даты, долги. Она — счётчик Братства. Она знает, кто в списке. И кто из списка ещё жив.

Вешняков посмотрел на свёрток. Потом на Бабурина.

— Игнат Порфирьевич. Скажите мне про Ирму.

Бабурин молчал так долго, что Вешняков подумал, что он уснул. Потом он заговорил — тихо, медленно, будто вытаскивал слова из глубокого колодца.

— Она пришла ко мне в ноябре. Двадцать второго года. Принесла опись. Сказала: «Игнат Порфирьевич, здесь имена. Сорок четыре имени. Те, кто молчал». Я спросил: «Зачем тебе?» Она сказала: «Я хочу, чтобы они заговорили». Я сказал: «Это не твоё дело». Она сказала: «Это дело всех».

Он сглотнул.

— Я испугался. Я сказал ей: отдай Братству. Она отказалась. Она сказала, что отдаст это Даниилу. Мне. — Вешняков сжал перо в кармане. — Она сказала: «Он умеет читать». Я сказал: «Он не поймёт». Она сказала: «Поймёт».

— Почему вы не отдали мне письмо?

Бабурин открыл глаза. В них было что-то похожее на стыд.

— Потому что я думал, что вы тоже умрёте.

Вешняков молчал. В палате было тихо; за окном шёл дождь.

— Игнат Порфирьевич.

— Да.

— Вы написали им.

Бабурин закрыл глаза.

— Написал.

— Когда?

— За неделю до пожара. — Он сглотнул. — Я думал, они заберут бумаги. Только бумаги. Я не знал, что они возьмут её.

Вешняков почувствовал, как у него холодеют руки.

— Вы её убили.

— Да. — Бабурин открыл глаза. — Я её убил. Не руками. Но убил.

— Почему вы не сказали раньше?

— Потому что боялся. — Он посмотрел на Вешнякова. — И потому что надеялся, что вы не спросите.

— Кто они? — спросил Вешняков.

— Три круга. — Бабурин говорил медленно, будто читал по памяти. — Ключники. Те, кто хранит. Счётчики. Те, кто считает. Исполнители. Те, кто закрывает.

— Вы — ключник.

— Был. — Он усмехнулся. — Пока не начал говорить.

— А Штерн?

— Счётчик.

— А Белояр?

Бабурин помолчал.

— Исполнитель.

— Он убивает по приказу?

— Нет. — Бабурин покачал головой. — Он убивает по счёту. Это хуже.

— Почему хуже?

— Потому что приказ можно отменить. — Бабурин посмотрел на него. — Счёт — нельзя.

Он попросил воды. Вешняков поднёс стакан к его губам. Бабурин сделал два глотка и откинулся на подушку.

— Покажите табличку, — сказал он.

Вешняков достал восковую табличку. Бабурин взял её, поднёс к свету.

— Первые три буквы, — сказал он. — Видите?

— Ф, М, А.

— Фома. Мария. Аглая.

— Мария?

— Не ваша Мария. — Бабурин усмехнулся. — Или ваша. Я не знаю. Но буквы свежие.

Вешняков посмотрел на воск. Царапины были светлые, почти белые.

— Их вырезали недавно.

— В этом году. — Бабурин вернул табличку. — Он вписывает новых. Тех, кто считает.

— Кто он?

— Тот, кто закроет счёт. — Бабурин закрыл глаза. — Не Штерн. Другой.

— Почему вы так думаете?

— Потому что Штерн считает. — Бабурин открыл глаза. — А имена вырезает тот, кто убивает.

В коридоре послышались шаги. Анна обернулась.

— Игнат Порфирьевич, — сказал Вешняков. — Ещё один вопрос.

— Последний.

— Почему вы не отдали письмо Ирмы сразу?

Бабурин долго молчал. Потом сказал:

— Потому что в нём было моё имя.

Вешняков замер.

— Где?

— На обороте. — Бабурин смотрел в потолок. — Она написала: «Если со мной что-то случится, спросите Бабурина. Он знает, кто меня предал». Я не хотел, чтобы вы спросили.

Вешняков развернул конверт. На обороте, в самом углу, карандашом, было написано: «И. П. — знает».

Он поднял глаза.

— Вы знали, кто её предал.

— Знал.

— Кто?

Бабурин закрыл глаза.

— Я.

* * *

Они вышли из палаты в шесть. Гуров ждал в коридоре.

— Ну?

— Он жив, — сказал Вешняков. — Пока.

— Стеблов уехал. Сказал, что вернётся утром.

— Хорошо.

Они спустились вниз. В больничном дворе шёл дождь; лужи отражали фонари. Анна села на скамейку и закурила. Вешняков стоял рядом.

— Ты веришь ему? — спросила она.

— Бабурина?

— Нет. Белояру. Что он был снаружи.

— Я верю, что он не врёт. — Вешняков помолчал. — Это не одно и то же.

— А что тогда?

— Тогда он стоял снаружи и не вошёл. — Вешняков посмотрел на дождь. — Это тоже убийство. Просто без ножа.

Анна затаилась.

— Мы можем его арестовать?

— За что? За то, что он стоял?

— За соучастие.

— Нужны доказательства. — Вешняков покачал головой. — И ещё — он нужен нам.

— Для чего?

— Для плиты.

Анна посмотрела на него.

— Ты уже торгуешься с ним.

— Пока нет.

— Но будешь.

Вешняков не ответил.

В кармане у него лежал свёрток. В свёртке — опись, письмо Ирмы и ещё что-то тяжёлое, завернутое в ткань. Он не разворачивал это при Бабурине. Теперь он достал.

Это была восковая табличка. Тёмная, с сорока четырьмя углублениями по краю. В первом углублении была процарапана буква «Ф». Во втором — «М». В третьем — «А».

— Что это? — спросила Анна.

— Счёт, — сказал Вешняков. — Начало.

5. Штерн

Ночью Бабурин умер.

Вешняков узнал об этом в 3:12. Телефон зазвонил резко, как будильник; он схватил его с тумбочки.

— Даниил. — Голос Гурова был хриплым. — Приезжай. Он умер.

— Как?

— Не по-хорошему.

Вешняков оделся за две минуты. Анна спала в соседней комнате; он не стал её будить. Внизу поймал такси.

В больнице было тихо. У палаты стояли двое полицейских и врач в белом халате. Гуров ждал в коридоре; лицо у него было серое.

— Смотри, — сказал он. — Только не трогай.

Вешняков вошёл.

Бабурин лежал на спине. Глаза были закрыты. Руки сложены на груди. Но рот у него был открыт, и изо рта торчал тёмный воск. Он был залит до самых губ; воск застыл неровными каплями на подбородке. На лбу, чуть выше бровей, стояла печать — маленький круглый отпечаток петуха.

Вешняков почувствовал, как у него подгибаются ноги.

— Кто его нашёл?

— Сестра. В три часа. — Гуров кивнул на врача. — Дверь была заперта изнутри. Окно закрыто. Камера в коридоре не видела никого.

— Никого?

— Никого, кроме неё.

— Кого?

— Лидии Андреевны. — Гуров посмотрел на него. — Она пришла в два сорок. Сказала, что забыла папку. Вышла через десять минут.

Вешняков подошёл к кровати. Воск был ещё мягким; он блестел в свете лампы. Печать была грубой, смазанной; детали петуха расплылись.

— Это не он.

— Белояр?

— Да. — Вешняков достал телефон. — Он не делает так.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у него воск другой. — Вешняков показал на рот Бабурина. — Это паразит. Дешёвый, с примесью. Белояр работает с пчелиным.

Вешняков наклонился к лицу Бабурина. В воске, у самого угла рта, блестел тонкий волос. Седой.

Он достал пинцет из кармана и осторожно вынул его. Волос был длинный, женский.

— Что это? — спросил Гуров.

— Ничего. — Вешняков завернул волос в салфетку и убрал в карман. — Пыль.

Гуров нахмурился.

— Ты уверен?

— Да.

Телефон в его руке завибрировал. Сообщение. Без номера.

«Я не убивал Бабурина. Я не ставлю печати на тех, кто уже сказал правду. Ъ.»

Вешняков смотрел на букву «Ъ» в конце. Она была написана так же, как на всех письмах: с длинным хвостом, чуть загнутым влево.

— Что там? — спросил Гуров.

— Он говорит, что не убивал.

— И ты веришь?

— Да. — Вешняков убрал телефон. — В том-то и проблема.

* * *

Утром он нашёл Лидию Корн в больничном архиве.

Она сидела за столом в маленькой комнате без окон. Перед ней лежала чёрная папка; она что-то писала — ровно, аккуратно, как в прописи. На стене висел портрет главного врача. На столе стояла чашка с чаем, нетронутая.

— Даниил Романович, — сказала она, не поднимая головы. — Присаживайтесь.

Вешняков сел напротив.

— Вы были у него в два сорок.

— Была. — Она подняла глаза. — Я забыла папку.

— В папке были документы?

— Списки. — Она улыбнулась. — Я составляю списки. Это моя работа.

— Какие списки?

— Больничные. — Она закрыла папку. — Кто поступил. Кто выписался. Кто умер.

— И Бабурин был в списке?

— Все в списке. — Она посмотрела на него. — Вы тоже.

— Покажите.

Она открыла папку. Внутри лежал список, напечатанный на машинке. Сорок четыре строки. В первой стояло: «Аглая Вяземская. 2015. Молчание». Во второй: «Ирма Вешнякова. 2022. Молчание». В третьей: «Игнат Бабурин. 2026. Молчание».

Вешняков провёл пальцем по строкам. В самом низу, в сорок четвёртой, было пусто.

— А где я?

— Вы не в счёте. — Она улыбнулась. — Пока.

— Почему?

— Потому что вы читаете. — Лидия закрыла папку. — А читателей мы не считаем. Мы их слушаем.

— Кто «мы»?

— Те, кто считает.

Вешняков почувствовал холод.

— Что это значит?

— Ничего. — Она встала. — Просто я люблю порядок.

Она подошла к окну — вернее, к стене, где было окно, — и остановилась.

— Вы нашли документы, которые он вам дал?

— Да.

— И что вы собираетесь с ними делать?

— Опубликовать.

Корн повернулась. В её лице не было ни удивления, ни злости.

— Это будет ошибкой.

— Почему?

— Потому что люди, которые написаны в этих списках, мертвы. — Она помолчала. — А те, кто их убил, — нет.

Вешняков смотрел на неё.

— Вы знаете, кто их убил?

— Я знаю, кто считает. — Она взяла папку. — Это не одно и то же.

Она прошла мимо него к двери. У порога остановилась.

— Даниил Романович.

— Что?

— Вы читаете имена. — Она обернулась. — Имена читают вас.
Дверь закрылась.

Вешняков сидел в пустой комнате и слушал, как в коридоре стихают её шаги.

Потом он встал и подошёл к её столу. На столе лежала папка, чашка с остывшим чаем и ежедневник. Он открыл ежедневник. На последней странице была запись: «Екатеринбург. 04.05. Поезд 016. Вагон 4».

Он посмотрел на дату. Сегодня было двадцать девятое.

— Она едет туда, — сказал он вслух.

— Кто? — спросила уборщица, вошедшая с ведром.

— Никто. — Он закрыл ежедневник. — Я.

Уборщица посмотрела на него и вышла. Вешняков положил ежедневник на место. Он был уверен, что Лидия оставила его специально. Вопрос был не в том, едет ли она, а в том, чего она ждёт от него.

Потом он достал телефон и позвонил Анне.

— Где ты? — спросила она.

— В больнице. Бабурин умер.

Пауза.

— Как?

— Его запечатали.

— Белояр?

— Нет. — Вешняков закрыл глаза. — Штерн.

6. Воск

Эксперта звали Ковалёв. Он был маленький, лысый, с круглыми очками и привычкой нюхать всё, что ему приносили, — бумагу, ткань, воск. Гуров говорил, что он лучший в Москве, и Вешняков ему верил.

— Парафин, — сказал Ковалёв. — Стеарин. Воск для свечей, самый дешёвый. Продаётся в хозяйственном магазине.

Он положил на стол кусочек, который выковырял изо рта Бабурина.

— А это? — спросил Вешняков.

— Это печать. — Ковалёв поднёс лупу. — Оттиск сделан с силиконовой формы. Видите, детали смазаны? Настоящая резьба даёт чёткий край. Здесь — копия.

— А пчелиный воск?

— Другой состав. — Ковалёв пожал плечами. — Плотнее, темнее, пахнет мёдом. Я работал с материалами Белояра. У него всегда пчелиный.

— Значит, это не он.

— Значит, это не его воск. — Ковалёв посмотрел на него. — Это не одно и то же.

Вешняков кивнул.

— Что ещё?

— Смерть наступила от инъекции. — Ковалёв показал на шею. — След от иглы под волосами. Скорее всего, миорелаксант. Остановка дыхания. Потом уже воск.

— Женщина могла это сделать?

— Могла. — Ковалёв помолчал. — Игла вошла под углом.левой рукой. Если бы я делал, я бы вошёл справа.

Вешняков вспомнил, как Корн подписывала бумаги.левой рукой, чуть наклонив лист.

* * *

Стеблов приехал в десять.

Он вошёл в кабинет Гурова, не постучав, — высокий, в сером костюме, с лицом человека, который давно перестал удивляться. За ним шли двое помощников с папками.

— Гуров, — сказал он. — Доложите.

Гуров доложил: смерть в два часа сорок минут, в палате, дверь заперта, воск, печать.

Стеблов выслушал, не перебивая. Потом посмотрел на Вешнякова.

— Профессор. Вы здесь почему?

— Бабурин попросил меня приехать.

— Бабурин был под моей охраной.

— Он был под охраной больницы. — Вешняков выдержал взгляд. — И умер.

Стеблов чуть улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что мои люди виноваты?

— Я хочу сказать, что кто-то вошёл в палату и вышел.

— Камера никого не видела.

— Камера видела женщину в сером пальто.

Стеблов повернулся к помощнику.

— Проверьте.

Помощник кивнул.

— Генерал, — сказал Вешняков. — Вы знаете Лидию Корн?

— Не имею чести.

— Она была в палате перед смертью.

— Это не преступление. — Стеблов посмотрел на него. — Посещение больного — не преступление.

— Она левша. След от иглы — под левую руку.
Стеблов помолчал. Потом сказал:
— Профессор, вы устали. Вам надо отдохнуть.
— Я не устал.
— Устали. — Стеблов подошёл ближе. — Вы двое суток в поезде, потом самолёт, потом морг. Любой устанет.

Он положил руку Вешнякову на плечо. Жест был почти дружеский.
— Я закрою это дело сегодня. Сердечный приступ. Возраст. Всё.
— Вы не можете.
— Могу. — Стеблов убрал руку. — И вы мне не мешаете.
— Вы в списке, — сказал Вешняков.
Стеблов замер.
— Что?
— В списке сорока четырёх. — Вешняков посмотрел ему в глаза. — Двенадцатый ключник. Стеблов. Я прочитал.

Стеблов молчал. В коридоре было тихо.
— Вы не понимаете, — сказал он наконец. — Я не ключник. Я — тот, кто не дал им закрыть счёт.
— Кому «им»?
— Братству. — Стеблов поправил галстук. — Я двадцать лет держу их в узде. Если я уйду, они придут за всеми.

— И поэтому вы закрываете дела?
— Поэтому я закрываю двери. — Стеблов посмотрел на него. — Иногда это одно и то же. Он вышел. Помощники вышли за ним.
Гуров шумно выдохнул.
— Ну и сволочь.
— Он не сволочь. — Вешняков посмотрел на дверь. — Он менеджер. Он закрывает проблемы.

— А мы?
— А мы — проблема.

* * *

Вечером Вешняков получил заключение Ковалёва. Внизу стояла приписка, сделанная от руки:

«Печать не его. Но сделана по его форме. Кто-то очень старался, чтобы мы думали на Белояра».

Он позвонил Гурову.
— Лёня. Кто мог сделать силиконовую форму с печати Белояра?
— Любой, кто имел доступ к его вещам.
— У кого был доступ?
— У Братства. — Гуров помолчал. — И у нас.

Вешняков закрыл глаза.
— Спасибо.
— Даниил.
— Что?
— Ты уверен, что хочешь копать дальше?
— Да.

— Тогда копай быстрее. — Гуров шмыгнул носом. — Они тоже копают.

Вешняков вышел на улицу. Дождь кончился; небо было серое, но сухое. У больничных ворот стояла машина с тонированными стёклами.

Он посмотрел на неё. Машина не двигалась.
— Ну и стой, — сказал он.
И пошёл к метро.

7. Сорок три

На следующий день Вешняков и Анна выехали во Владимир.

Поезд шёл четыре часа. За окном тянулись поля, мокрые от дождя; в низинах лежал туман. Анна спала, положив голову на куртку. Вешняков смотрел на свёрток Бабурина.

Он развернул опись.

Это была машинописная копия, пожелтевшая от времени. Вверху стояло:

«ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА, ИЗЪЯТОГО ИЗ УСПЕНСКОГО СОБОРА Г. ВЛАДИМИРА.
1937 г.»

Дальше — список предметов: иконы, оклады, книги, утварь. В конце, отдельным пунктом:

«Плита каменная с отверстиями, 12×12. Передана на хранение в фонды. Матрица — в третьем камне справа. Ключ — у Штерна».

Вешняков перевернул лист. На обороте был список имён. Сорок три имени, напечатанных в столбик. Напротив каждого — номер. Сорок четвёртая строка была пустой.

Он провёл пальцем по именам. Некоторые были ему знакомы из книг: дьяки, монахи, архивисты. Другие — нет. В самом низу, под списком, стояла приписка от руки, сделанная другими чернилами:

«Сорок четвёртый — тот, кто закроет счёт. Он не должен знать, что он последний».

Вешняков закрыл лист.

— Что там? — спросила Анна. Она уже проснулась.

— Список.

— Чей?

— Тех, кто молчал.

Анна села.

— Сорок четыре?

— Сорок три. Четвёртая строка пустая.

— Почему?

— Потому что последний ещё не назван.

Он посмотрел в окно.

— Пока.

Он снова развернул опись. На этот раз медленно, по строкам.

Пятая строка снизу: «Корн Александра Михайловна. 1937. Хранитель».

Он остановился.

— Что? — спросила Анна.

— Корн. — Он показал ей строку. — Это её бабушка.

— Лидии?

— Или мать. — Вешняков провёл пальцем по имени. — Она в списке с тридцать седьмого года.

— Значит, она мстит.

— Нет. — Он покачал головой. — Она служит.

Анна смотрела в окно.

— Мы познакомились в две тысячи тринадцатом, — сказала она. — В Эрмитаже. Он реставрировал раму. Я охраняла зал.

— И что?

— Он был тихий. — Она улыбнулась. — Я тогда думала, что тихие люди — добрые.

— А теперь?

— Теперь я думаю, что тишина — это место, где прячутся. — Она посмотрела на Вешнякова. — Он говорил, что дерево честнее людей. Что оно не врёт.

— Ирма говорила то же самое о вещах.

Анна повернулась.

— Ты её цитируешь.

— Я её помню. — Вешняков посмотрел на перо. — Это не одно и то же.

* * *

Владимир встретил их солнцем. Оно было бледным, холодным, но всё-таки солнцем. На вокзале пахло мокрым асфальтом и пирожками.

Они взяли такси до Успенского собора. Водитель был пожилой, с усами.

— Вы к собору? — спросил он.

— Да.

— Он закрыт.

— Почему?

— Реставрация. — Водитель посмотрел в зеркало. — Северная галерея. Говорят, трещина.

— Трещина?

— Так сказали. — Он пожал плечами. — Только рабочие не местные. И работают ночью.

Вешняков посмотрел на Анну.

— Ночью?

— Ночью. — Водитель усмехнулся. — Я тут тридцать лет вожу. Реставрация ночью — это не реставрация.

Машина ехала по узким улицам, мимо белых церквей и старых домов с резными наличниками. На площади у собора стояли туристы с зонтами; гид что-то рассказывал, показывая на купола.

Анна вышла первой.

— Красиво, — сказала она.

— Да.

— Странно, что здесь убивают.

Вешняков не ответил.

У входа в собор их ждала женщина. Она была в тёмном пальто и шерстяной шапке; лицо худое, с острыми скулами; глаза внимательные, как у человека, который привык смотреть на людей и запоминать.

— Вы Вешняков? — спросила она.

— Да.

— Мария Кривцова. — Она протянула руку. — Мне сказали, что вы приедете.

— Кто сказал?

— Ирма. — Мария помолчала. — Давно. В двадцать втором.

У Вешнякова перехватило дыхание.

— Вы её знали?

— Немного. — Мария посмотрела на собор. — Она приезжала сюда. Искала плиту. Мой отец показывал ей галерею.

— Ваш отец?

— Николай Кривцов. — Мария сжала губы. — Он работал здесь. В две тысячи пятнадцатом.

Вешняков вспомнил фотографию из дела: рабочий, сорок шесть лет, погиб при обрушении лесов. Тогда это казалось случайностью.

— Пойдёмте, — сказала Мария. — Я покажу.

Она провела их через собор. Служба уже кончилась; в зале пахло ладаном и воском. У алтаря горели свечи. Мария остановилась и перекрестилась.

— Вы верующая? — спросил Вешняков.

— Нет. — Она посмотрела на него. — Но здесь трудно не креститься.

Она открыла низкую дверь в стене и повела их вниз. Лестница была узкая, каменная, стёртая посередине. Внизу было темно и холодно.

— Осторожно, — сказала Мария. — Здесь низко.

Она включила фонарик. Они прошли через подвал, мимо старых бочек и ящиков, и остановились у стены.

— Вот.

На кирпиче, у самого пола, был вырезан трезуб — три зубца, средний длиннее. Рядом — три насечки.

— Это метка, — сказала Мария. — Отец нашёл её за неделю до смерти.

Вешняков присел. Кирпич был старый, XV век, стёртый по краям. Тамга была вырезана глубже, чем остальные швы.

— Что она значит?

— Не знаю. — Мария посмотрела на него. — Но он сказал, что это не начало. Это продолжение.

Наверху их ждал священник. Старый, с белой бородой, в лиловой рясе. Он смотрел на них с тревогой.

— Мария, — сказал он. — Ты опять в подвал?

— Отец Сергей, это историки.

— Историки. — Священник посмотрел на Вешнякова. — Здесь уже были историки. Они забрали плиту.

— Кто?

— Люди из Москвы. — Он перекрестился. — И женщина. Она считала.

Вешняков почувствовал холод.

— Что она считала?

— Всё. — Священник покачал головой. — Свечи. Иконы. Людей. Я сказал ей: «Здесь не музей». А она сказала: «Здесь всё музей».

8. Владимир

Северная галерея была заложена.

Кирпичная стена — свежая, серая, ещё не обтёсанная — перекрывала проход от собора к галерее. В стене была железная дверь с кодовым замком. На двери висела бумажка: «Реставрация. Вход запрещён. Администрация».

— Вчера этого не было, — сказала Мария.

— А что было?

— Дверь. Обычная, деревянная. — Она посмотрела на стену. — Они заложили её за ночь.

Вешняков подошёл к стене. Кирпич был новый, раствор ещё влажный. Он посмотрел на верхний ряд: там не хватало одного кирпича.

— Кто-то выходил, — сказал он.

— Или входил, — сказала Анна.

Мария провела их вокруг собора. С северной стороны, за галереей, был узкий проход между стеной и старым домом. В проходе лежали доски, мешки с цементом, пустые бутылки. У стены стоял человек в сером пальто. Он курил и смотрел на них.

— Это он, — тихо сказала Мария. — Он приходил к отцу.

— Кто он?

— Не знаю. — Она отвернулась. — Я видела его в две тысячи пятнадцатом. Он стоял у лесов, когда они упали.

Человек затушил сигарету и ушёл.

— Идём, — сказала Мария. — Здесь нельзя стоять.

Она привела их в маленькую комнату в соборной сторожке. На столе — чайник, чашки, альбом с фотографиями. Мария достала из ящика тетрадь.

— Это отца, — сказала она. — Он писал здесь.

Вешняков открыл тетрадь. На первой странице была сетка 12×12, нарисованная от руки. В клетках стояли цифры. Некоторые были обведены.

— Что это?

— Он считал дни. — Мария села напротив. — После того как нашёл дверь.

— Какую дверь?

— В полу. — Она посмотрела на него. — Он говорил, что под собором есть ход. Он нашёл его в две тысячи пятнадцатом, когда меняли полы. Он сказал прорабу. Через три дня леса упали.

— Вы думаете, это не несчастный случай?

— Я знаю, что это не несчастный случай. — Мария сжала чашку. — Мне было двадцать. Я пришла в собор, и мне сказали: «Несчастный случай». А через месяц мне пришло письмо. Без подписи. В нём был лист из его тетради.

Она перевернула страницу. На листе был нарисован план галереи и три камня справа. Третий камень был обведён.

— Здесь, — сказала она. — Он нашёл это здесь.

Вешняков смотрел на план. Сердце у него билось чаще.

— Мария. Вы знаете, что в этой стене?

— Плита. — Она подняла глаза. — И ещё что-то. Он не успел сказать.

Анна подошла к окну. За окном был двор; в углу двора стоял человек в сером пальто. Он снова курил.

— Нас пасут, — сказала она.

— Пусть пасут. — Вешняков закрыл тетрадь. — Нам нужен Смирнов.

— Кто это?

— Человек, который знает, как открыть камень.

9. Третий камень

Смирнов жил в Суздале, на улице с деревянными домами, за рекой Каменкой.

Дом был старый, с мезонином и резными ставнями. В палисаднике росли яблони; под одной стояла скамейка. На скамейке сидел старик в валенках и тулупе. Рядом лежала собака — большая, серая, с умными глазами.

— Алексей Иванович? — сказал Вешняков.

Старик поднял голову. Лицо у него было худое, обветренное, с глубокими морщинами; глаза острые, как у птицы.

— Кто такие?

— Вешняков. Историк. Мне сказали, что вы знаете про плиту.

Старик молчал. Потом посмотрел на собаку.

— Уходите.

— Алексей Иванович...

— Уходите, — повторил он. — Я не разговариваю с людьми из Москвы.

Анна шагнула вперёд.

— Мы не из Братства.

Старик усмехнулся.

— Все так говорят.

— Мы из полиции. — Она показала удостоверение. — И мы ищем человека, который убил пять человек.

Старик посмотрел на удостоверение. Потом на Вешнякова.

— Пять?

— Пять. Может, больше.

Он долго молчал. Собака подняла голову и лизнула ему руку.

— Ладно, — сказал он. — Заходите.

* * *

В доме пахло деревом, воском и сушёными яблоками. На стенах висели иконы — старые, тёмные, с потрескавшейся краской. Смирнов снял тулуп и повесил его на гвоздь. Под тулупом оказалась рубаша, вышитая по вороту.

— Садитесь, — сказал он. — Чай будете?

— Будем, — сказала Анна.

Он поставил чайник и сел напротив. Собака легла у его ног.

— Значит, плита, — сказал он. — Что вы про неё знаете?

— Двенадцать на двенадцать, — сказал Вешняков. — Сто сорок четыре отверстия. Тамга в углу. Третий камень справа.

Смирнов кивнул.

— А зачем?

— Не знаю.

— Вот и я не знал. — Старик усмехнулся. — Пока не увидел.

Он рассказал.

В шестьдесят девятом году он работал реставратором в соборе. Тогда меняли полы в северной галерее. Под старыми плитами нашли другую плиту — серую, с отверстиями. Прораб хотел её выбросить, но Смирнов уговорил оставить. Он очистил её, сфотографировал и спрятал в подсобке. Через неделю в собор пришла женщина в сером пальто. Она сказала, что плита — музейная ценность, и забрала её.

— Куда?

— В стену. — Смирнов показал рукой. — Тогда как раз делали новую галерею. Её вмуровали в нишу. А сверху положили ещё один камень. Тот, который вы видели.

— А третий камень справа?

— Это метка. — Старик посмотрел на него. — Когда плиту переносили, мастер оставил метку. Третий камень справа от плиты. Там не плита. Там матрица.

Он достал из-за иконы фотографию. Чёрно-белую, с трещиной.

— Вот. Семьдесят первый год. Я снял на «Смену».

На фотографии была стена галереи. В центре — ниша, заложенная кирпичом. Третий камень справа был обведён мелом.

— Видите? — Он показал пальцем. — Камень меньше остальных. Он выступает.

Вешняков посмотрел на снимок. Потом на Смирнова.

— Вы были здесь, когда её прятали?

— Я был здесь, когда её находили. — Старик перекрестился. — И когда её забирали.

Вешняков почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Матрица?

— Маленькая плита. Ключ. — Смирнов помолчал. — Её прятали отдельно. Чтобы, если найдут большую, не нашли маленькую.

— Вы её видели?

— Видел. — Он отхлебнул чай. — Один раз. В семьдесят первом. Я тогда полез в нишу, чтобы проверить кладку. Камень был плохо закреплён. Я вытащил его и увидел.

— Что?

— Медную коробку. Внутри — холст, а в холсте — плита. Маленькая. Такая же, как большая, только квадратная. И ещё бумага.

— Какая бумага?

— Не знаю. — Смирнов покачал головой. — Я не читал. Я испугался.

— Чего?

— Того, что за мной придут. — Он посмотрел на Вешнякова. — Через месяц пришли.

— Кто?

— Та же женщина. Она сказала: «Вы видели то, чего не должны были видеть». Я сказал: «Я ничего не видел». Она сказала: «Хорошо». — Он усмехнулся. — С тех пор я каждую ночь проверяю замок.

— А сейчас?

— А сейчас она приехала снова. — Смирнов поставил чашку. — Неделю назад. Сказала, что плиту будут вывозить. Спросила, помню ли я третий камень.

— И что вы сказали?

— Сказал, что забыл.

Он встал и подошёл к окну.

— Вы опоздали. Они уже вывозят.

— Когда?

— Сегодня ночью. — Он посмотрел на Вешнякова. — Я слышал, как они грузили машину. В галерее был свет.

Анна встала.

— Нам нужно туда.

— Не спешите. — Смирнов поднял руку. — Днём они не сунутся. Там служба. Они придут ночью, после полуночи.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я видел их расписание. — Он достал из-за иконы сложенный лист. — Вот. Кто, когда, какой пост.

Вешняков взял лист. На нём была нарисована схема галереи и время: «23:00 — смена караула», «00:30 — вывоз», «01:00 — погрузка».

— Откуда это у вас?

— Мне принёс мальчик. — Смирнов улыбнулся. — Сын сторожа. Он думает, что я коллекционер.

Анна посмотрела на Вешнякова.

— Мы можем войти до полуночи.

— Можем, — сказал Смирнов. — Но вам нужен ключ.

Он подошёл к буфету, достал из-за посуды старый ключ на верёвке.

— Это от боковой двери. Она выходит в проход между галереями и домом. Там была мастерская. Сейчас её заложили, но дверь осталась.

Вешняков взял ключ.

— Спасибо.

— Не благодарите. — Смирнов посмотрел на него. — Я делаю это не для вас.

— А для кого?

— Для Фомы.

Вешняков замер.

— Какого Фомы?

— Фомы Кривого. — Старик перекрестился. — Мастера, который её вырезал. Он был мой прапрадед.

— Почему вы не сказали сразу?

— Потому что это не помогает. — Смирнов посмотрел на него. — Это мешает.

— Чему?

— Пониманию. — Старик подошёл к окну. — Вы видели буквы на плите?

— Видал.

— И в каком порядке вы их читали?

Вешняков достал блокнот.

— Слева направо. — Он показал запись. — Ф, М, А.

— А он резал справа налево. — Смирнов сжал пальцы. — Отец говорил, что Фома был левша. Он резал против себя. От края к середине.

Вешняков посмотрел на запись.

— Значит, порядок обратный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.